Сергѣй Шараповъ.

Поэтическій дебютъ Н. М. Соколова.

(Изъ № 8—9 „Русскаго Труда“ 1899 г.).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія А. Пороховщикова. Бассейная, 3—5.
1899

СОЧИНЕНІЯ И ИЗДАНІЯ

С. Ө. Шарапова.

По русскимъ хозяйствамъ. Путевыя письма въ «Новое Время», пересмотренныя и дополненныя. М. 1893 г. Ц. 2 р.

А. Н. Энгельгардтъ и его значеніе для русской культуры и науки (съ 2 портретами). Публичное чтеніе въ Историческомъ Московскомъ Музеѣ. Сп 1894 г. Ц. 40 к.

Францiя и Славянство. Рѣчь въ торжественномъ собраніи Спб. Славянскаго Благотвор. О-ва. Спб. 1895 г. Ц. 30 к.

Собраніе сочиненій С. Ө. Шарапова. Т. I. Церковные вопросы. Публичны рѣчи. Путевыя письма. Т. II. Путевыя письма. Спб. 1894 г. Цѣна за об тома 3 р. (отдѣльно не продаются).

Къ свѣдѣнію будущаго министра Земледѣлія. (Второе изданіе «Писемъ голодѣ».) Обмѣнъ мыслей между Рцы, N*, Н. П. Аксаковымъ и С. Ө Шараповымъ. Спб. 1994 г. Ц. 40 к.

Пособіе молодымъ хозяевамъ при устройствѣ ихъ хозяйствъ на новыхъ началахъ. Съ приложеніемъ 16 неизданныхъ писемъ А. Н. Энгельгардта къ А. Н. Куломзину. Спб. 1895 г. Ц 1 р.

По садамъ и огородамъ. Путевыя письма въ «Русскую Бесѣду». Сп 1895 г. Ц. 30 к.

Бумажный рубль. Его теорія и практика. Изслѣдованіе о научныхъ законахъ бумаго-денежнаго обращенія въ самодержавномъ государствѣ Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

По Черноморскому побережью. Путевые очерки изъ поѣздки въ состав экспедиціи министра Земледѣлія осенью 1894 г. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.

Кружнымъ путемъ. Романъ въ 5 частяхъ. Спб. 1897 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Русская реклама. Ал. Веригина. Ц. 10 к.

Македонскій вопросъ. Іована Поповича-Липоваца съ предисловіемъ Сергѣя Шараповт. Ц. 10 к.

М. Г. Черняевъ. (съ портретомъ). Ц. 5 к.

Капиталы и долги. Г. В. Бутми. Ц. 20 к.

Сѣверный морской путь. В. Кельина и Н. Чукмалдина. Ц. 20 к.

Деньги земледѣльческой страны. А. Фролова. Цѣна 20 к.

Измѣненіе денегъ А. Шабри. **Еще о Сѣверномъ морскомъ пути**. Виктор Кельина. Ц. 10 к.

Бѣглый солдатъ Скрыпа и мое ученье (изъ дѣтскихъ воспоминаній (Н Чукмалдина. Ц. 10 к.

Мнимое перепроиздодство соребра. Павла Оля и Сергѣя Шарапова (съ діаграммами). Ц. 20 к.

О русскомъ церк вномъ управленіи. 12 статей протоіерея А. М. Иванцова Платонова съ предисл. Сергѣя Шарапова. Ц. 40 к.

Царь-Освободитель (съ портретомъ Государя Александра II). А. А. Порсховщикова. Ц. 10 к.

Теорія государсгва у славянофиловъ. Сборникъ статей И. С. Аксакова, К С. Аксакова, Аө. В. Васильева, А. Д. Градовскаго, Ю. Ө. Самарина и С Ө. Шарапова. Цѣна 50 коп.

Притязанія Германіи на турецкое наслѣдство. Цѣна 10 к.

Александръ Тропенасъ и «тропенасованіе» (съ портретомъ). Цѣна 10 к.

Изобрѣтатель и хищники. Александра Шиллера. Цѣна 10 к.

Ложь. Комедія въ 5 дѣствіяхъ. Елены Зеландъ-Дубббельтъ. Ц. 40 к.

Исповѣдь русскаго изобрѣтателя. Н. Д. Булыгина. Ц. 15 к.

Сергѣй Шараповъ.

Поэтическій дебютъ

Н. М. Соколова.

(Изъ № 8—9 „Русскаго Труда“ 1899 г.).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія А. Пороховщикова. Бассейная, 3—5.
1899

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ, 17 марта 1899 г.

Чуть не ежедневно появляются большіе и маленькіе сборники стихотвореній разныхъ новоявленныхъ поэтовъ. Все это печатается обыкновенно за счетъ самихъ авторовъ, иногда на великолѣпной бумагѣ, съ разными хитрыми виньетками, и дождемъ падаетъ на всякую редакцію съ надписью «для отзыва».

Но увы! О большинствѣ даже отзыва давать не стоитъ, даже книжку шикарной внѣшности беречь не для чего. Раскроешь, не разрѣзая, въ двухъ-трехъ мѣстахъ, прочтешь у г. Иванова:

«Люби меня, люби изо всей силы...»

У г. Петрова:

«Моя муза стояла въ терновомъ вѣнцѣ...»

У г. Сидорова:

«Я не влюбленъ въ васъ, я любуюсь вами...»

и прямо бросаешь въ кучу, въ компанію къ разнаго рода вздорнымъ отчетамъ и запискамъ, откуда эти сборники любятъ выбирать редакціонные сторожа и горничныя. Иногда г. Петрова, Сидорова, Иванова увидишь даже въ рукахъ прислуги порядочно растрепаннаго—ну и слава Богу,—значитъ, все-таки свое культурное дѣло сдѣлалъ.

Такъ идутъ цѣлые годы. Стихотворенія книжками падаютъ, словно метеориты, а большаго поэта все нѣтъ и нѣтъ. Только развѣ г-жа Лохвицкая выдѣлилась своею, какъ-бы это выразиться,—необыкновенно эротическою музою, и ея книжка стиховъ, снабженная

весьма вѣскимъ оправдательнымъ документомъ въ видѣ портрета поэтессы (дѣйствительно, пикантной женщины!) полежала нѣкоторое время на полкѣ.

Но вотъ, наконецъ, и настоящій поэтъ, большой поэтъ! На обложкѣ стоитъ: «Стихотворенія Н. М. Соколова», котораго читатели «Русскаго Труда» уже знаютъ. Три большихъ и прекрасныхъ его стихотворенія были у насъ помѣщены: «Видѣніе костей» изъ пророка Іезекіиля, «У гроба Я. П. Полонскаго» и, наконецъ, «У памятника Мицкевича». Послѣднее стихотвореніе представляло такую крупную и сильную вещь, что невольно обратило на себя общее вниманіе. И мысль, огромная по глубинѣ, и прекрасная, яркая могучая форма. Помните это:

Не Польши честный мечъ, раба кинжалъ лукавый
Предательски дрожитъ въ испуганной рукѣ!..
Ты—рыцарь, ты—герой, идешь къ врагу съ отравой,
Ползешь къ его ногамъ и вьешься на пескѣ?
Довольно, подними свое чело изъ праха!..

Такимъ языкомъ не говорятъ наши маленькіе стихокропатели!

Книжка г. Соколова дѣлится на «Легенды и думы» «Изъ дневника», «Лирическіе наброски» и «Сонеты Петрарки». Если взять карандашъ и начать отчеркивать лучшія мѣста, то можно попасть прямо въ плагіатъ, т. е. перепечатать всю небольшую книжку. Здѣсь все хорошо, все ярко, все колоритно и свѣжо.

Вотъ, впереди графъ Неверъ, послѣдній въ родѣ, готовитъ себѣ могилу въ фамильномъ склепѣ. Неверы больше не нужны, время ихъ прошло, имъ въ природѣ нѣтъ мѣста. Родоначальникъ, старый прадѣдъ, «съ горностаемъ на плечахъ», говоритъ:

»Не томись, не мучься... Съ нами
Рядомъ гробъ себѣ построй,
И желѣзною рѣшеткой
Двери въ этотъ склепъ закрой,

«И умри... Тогда спокойно
Рядомъ всѣ мы здѣсь уснемъ.
Мы послѣдняго Невера
Здѣсь давно съ тоскою ждемъ...

«Ты придешь, и дверь закроютъ.
Будетъ въ сборѣ весь нашъ родъ.
Новый родичъ съ новой смертью
Къ этой двери не придетъ.

«Мечъ разбей: то мечъ—Неверовъ.
Онъ другимъ—не по рукѣ.
Нашей славы слѣдъ кровавый
На его стальномъ клинкѣ.

«Гербъ нашъ здѣсь поставь, надъ нами...
Мертвой ратью вкругъ него
Ляжемъ мы въ гробахъ на стражѣ
Чести рода своего»...

И Неверъ веселится и даетъ свой послѣдній пиръ:

— Лучшій пиръ мой—пиръ послѣдній!..
Въ зàмокъ, въ зàмокъ!.. Всѣ за мной!..
Сердце жадно проситъ смѣха,
Проситъ пѣсни молодой...

Переворачиваемъ страницу. Коротенькая поэма «Vae victis». Варвары бросаются на Римъ. Во главѣ побѣдоносный, дикій, изступленный и опьяненный вождь:

При видѣ крови и огня
Онъ въ изступленьи дикомъ вòпитъ
И утомленнаго коня
Бичемъ изломаннымъ торопитъ.

Весь Римъ въ крови, въ огнѣ весь Римъ,
Онъ, гордый Римъ, предъ нимъ склонился...
И вдругъ предъ портикомъ однимъ
Могучій вождь остановился...

Передъ нимъ стоитъ богиня красоты: вождь пораженъ и не въ силахъ овладѣть собой:

Онъ хочетъ крови, хочетъ слезъ,
Онъ приметъ этотъ вызовъ новый!..

И вождь копье свое занесъ,
Въ богиню имъ метнуть готовый...

Зачѣмъ-же на ея челѣ
Нѣтъ ни смущенья, ни тревоги?
Иль снова ходятъ по землѣ
Среди людей живые боги?

Какимъ божественнымъ огнемъ
Безсмертный ликъ ея сіяетъ!..
И вождь, закрывъ себя щитомъ,
Копье тихонько опускаетъ...

Что за чудесная картинка!

Далѣе большая поэма «Мелхола». Мелхола—дочь Саула, вышедшая замужъ за Давида. Имъ пришлось разстаться. Давидъ ведетъ борьбу съ Сауломъ и истребляетъ родъ его. Мелхола становится женою Фалтіила. Давидъ побѣждаетъ и возвращаетъ прежнюю супругу. Сюжетъ поэмы—свиданіе гордой принцессы съ своимъ мужемъ, который какъ разъ торжествуетъ побѣду и, во главѣ торжественнаго шествія, въ экстазѣ пляшетъ передъ Кивотомъ:

Пляшетъ царь передъ Кивотомъ,—
Стонутъ нѣжныя цѣвницы,
Тяжело гремятъ кимвалы,—
Пляшетъ царь безъ багряницы...

Пляшетъ царь передъ кивотомъ, —
Безъ конца восторгъ въ Сіонѣ,
Отстегнувъ алмазный поясъ,
Пляшетъ царь въ одномъ хитонѣ...

Пляшетъ царь передъ кивотомъ,
Пѣсней праздникъ славятъ хоры, —
Умиленьемъ и восторгомъ
Блещутъ женъ Давида взоры...

Серебристый женскій лепетъ,
Переливный жемчугъ смѣха,
Звонъ цѣпочекъ и браслетовъ
Далеко относитъ эхо...

Но, надменно сдвинувъ брови,
Гордо выгнувъ станъ высокій,
Отъ окна ушла Мелхола,
Завернувшись въ плащъ широкій...

И вотъ, какая происходитъ бесѣда. Мелхола говоритъ:

— На потѣху черни грубой
Предъ рабынями, въ Сіонѣ,
У дворца плясалъ сегодня
Царь-плясунъ, въ одномъ хитонѣ!

— Царь-плясунъ, шутовъ великихъ
Меркнетъ слава предъ тобою!
Легче всѣхъ тимпанъ тяжелый
Ты несешь надъ головою! —

Вздрогнулъ царь, подъ гнѣвной бровью
Словно молнія сверкнула...
— Знай, сегодня первый праздникъ
Нашей славы, дочь Саула!..

— Помни, твой отецъ не сыну
Отдалъ скипетръ и корону!
Я иду при звукѣ трубномъ
Властелиномъ по Сіону!..

— Домъ мой, знай, великъ и славенъ,
Дочь Саула, не тобою!
Захочу я — и рабыню
Царской мантіей покрою!

— Не унизитъ нашей славы
Въ этотъ день твоя обида!
Самъ Господь надъ нашимъ домомъ
Возвеличилъ домъ Давида!

— Царь, судить о славѣ новой,
Дочь Саула, я не смѣю!..
Я сегодня любовалась
Ловкой пляскою твоею...

— Изъ семьи Саула, знаю,
Я одна въ живыхъ осталась...
На обломкахъ нашей славы
Ваша слава создавалась...

— Только помни, царь Сіона,
Что Мелхола не забыла,
Какъ Давида дочь Саула
Въ бѣдномъ воинѣ любила!..

Она припоминаетъ, какъ спасла Давида отъ смерти:

— А потомъ другаго мужа
Ты нашла и полюбила?
Одолѣвъ враговъ, я силой
Взялъ тебя отъ Фалтіила! —

— Такъ зачѣмъ-же ты, безумецъ,
Посылалъ вождей за мною?
Въ день разлуки бѣдный Фалтій
Горько плакалъ надъ женою!..

— Весь въ слезахъ, за колесницей
Онъ бѣжалъ до Варакима,
На меня смотрѣлъ и плакалъ,
Плакалъ Фалтій, сынъ Селима...

— Слушай, гордый царь Сіона!..
Въ Варакимѣ я не знала,
Что тогда на скомороха
Фалтіила я мѣняла! —

И, надменно сдвинувъ брови,
Гордо выгнувъ станъ высокій,
Отъ дворца ушла Мелхола,
Завернувшись въ плащъ широкій...

Мелхола умираетъ, оскорбленная въ своей гордости. Она не выноситъ разочарованія. Но благородный образъ гордой женщины складывается у поэта невольно такъ, что читателю понятно, почему и вообще не бывать Мелхолѣ второй разъ женой Давида. Другія жены— то болѣе или менѣе вещи, а это человѣкъ, и большой человѣкъ.

Красивая вещь—«Царица мысль». Вотъ ея конецъ:

И въ нихъ ничтожнаго, въ ярмѣ тупой нужды,
Раба голоднаго покажетъ—человѣка,
Его безплодные и жалкіе труды,
И рабство вольное отъ вѣка...

И открывается въ видѣніи судьба,
Обвившая, какъ жертву змѣй голодный,
Цѣпями ржавыми безсильнаго раба,
Нѣмаго въ мукѣ неисходной...

Любовь царицы сердце мнѣ сожгла,
Ея лобзанья мозгъ мой прожигаютъ,
И борозды средь блѣднаго чела,
Какъ плугъ желѣзный, пролагаютъ...

Какъ смерть, ея мучительна любовь!..
Она придетъ и, скорбная, тоскуетъ,
Рыдая, сердце мнѣ цѣлуетъ,
И пьетъ изъ сердца кровь...

Кто полюбилъ ее, тотъ не измѣнитъ ей,
Тотъ рабъ ея, кто разъ ее полюбитъ —
И ласками мучительныхъ ночей
Она любовника погубитъ...

Еще сильнѣе небольшая поэма безъ заглавія. Тутъ не знаешь, что лучше: краски, или настроеніе:

Осень пѣсни ненастныя пѣла, —
Низко туча надъ полемъ летѣла,
Разсыпаясь холоднымъ дождемъ,
Обнаженныя вѣтви качая;
Лѣсъ угрюмо шумѣлъ, умирая, —
Было пусто и глухо кругомъ...
Только вѣтеръ да сосны шумѣли,
Да какіе-то звуки звенѣли
Надъ пустыми полями вдали...
То скликались въ холодномъ просторѣ,
Собираясь далеко, за море,
Снаряжаясь въ походъ, журавли...

«Прочь отсюда!.. Здѣсь лѣсъ умираетъ,
«Здѣсь болота туманъ застилаетъ,
«Здѣсь подъ инеемъ стынетъ земля...
«Прочь отсюда!.. Здѣсь холодъ и вьюга...
«А подъ небомъ счастливаго юга
«И теперь зеленѣютъ поля...

Тутъ-же неподалеку въ болотѣ лежитъ умирающій товарищъ. Онъ изнемогалъ въ предсмертной дремотѣ и съ послѣднимъ усиліемъ вскочилъ, услыхавъ крики отлетающихъ:

...онъ узналъ,
Всѣхъ узналъ онъ въ строю ихъ летучемъ
И, какъ прежде, привѣтомъ могучимъ
На знакомый привѣтъ отвѣчалъ...
И въ послѣднемъ безумномъ усильи
Распахнулъ онъ широкія крылья,
Зашатался и — на землю легъ...
Голова, какъ чужая, упала,
Грудь въ холодную воду попала,
И расправить крыла онъ не могъ...
Распласталось, какъ мертвое, тѣло, —
Только сердце въ немъ скорбью горѣло,
Только слезы глаза его жгли,
Только видѣлъ онъ гаснущимъ окомъ
Какъ надъ нимъ въ перелетѣ высокомъ
Улетали на югъ журавли...

Пропускаемъ очень яркую вещь: «Тріумфъ Клеопатры» и останавливаемся надъ шутливо-грустной «Волшебной пѣснью». Старая тема о власти пѣсни надъ сердцемъ женщины, особенно южной и о власти Южанки надъ сердцемъ Сѣверянина, разработано превосходно. За красивой драмой слѣдуетъ кокетливое и граціозное заключеніе:

Тотъ, кто эту пѣсню можетъ
Спѣть въ томленьи страсти жгучей,
Тотъ владѣетъ надъ сердцами
Властью чудной и могучей.

Только струны зарокочутъ,
Сердце женское проснется,

Замираетъ въ нѣгѣ томной,
Все тоскуетъ, все смѣется..

Чья-то тѣнь тогда къ периламъ
Въ кружевной идетъ мантильѣ,
И до утра слышенъ шепотъ
Подъ балконами Севильи.

Говорили, что не тронутъ
Неприступной донны Клары,
Избалованной сеньоры,
Севильянскія гитары,

Но, когда донъ-Хозе стройный
Спѣлъ ей пѣсню донъ Діего,
Въ сердцѣ донны ледъ сломила
Севильянской пѣсни нѣга, —

Вышла донна, что смѣялась
Надъ гитарами Севильи,
На свиданье къ дону-Хозе
По старинному, въ мантильѣ..

Говорятъ, что дочь алькада,
Хуанита молодая,
Въ первый разъ той чудной пѣснѣ
Лѣтнимъ вечеромъ внимая,

На колѣни предъ Мадонной
До зари съ молитвой стала,
Но молитвой искушенья
Отъ себя не отогнала, —

И, когда опять подъ вечеръ
Зазвучала серенада,
Легкой тѣнью въ садъ сходила
Хуанита, дочь алькада...

Изъ пьэсы «Памяти Ѳ. М. Достоевскаго» выписываемъ центральныхъ четыре строчки:

Звукъ цѣпи въ глаголы любви безконечной
Ты, сильный душой, перелилъ, —

Покорный велѣніямъ Истины Вѣчной,
Клеймо и желѣза простилъ...

«Памяти Я. П. Полонскаго» извѣстно читателямъ, какъ и стихотвореніе «У памятника Мицкевича». На этомъ заканчивается первый отдѣлъ книги.

«Изъ дневника» — рядъ маленькихъ лирическихъ набросковъ въ гейневскомъ вкусѣ. Между ними есть чудесные. Таковы, напримѣръ, пятый:

Погасъ огонь, который я зажегъ
Вчера въ надеждѣ наслажденья!
Я разорвалъ нарядный свой вѣнокъ
И злобно бросилъ на каменья...

Въ его цвѣтахъ гнѣздилася змѣя,
Онъ мной былъ свитъ неосторожно...
Сегодня все, чему такъ вѣрилъ я,
И далеко, и невозможно...

Седьмой:

Пожалѣй, моя милая,
Пожалѣй, моя нѣжная,
Это сердце унылое
Это сердце мятежное!

Истомилось безумное
Подъ тревогой напрасною...
Пожалѣй, моя умная,
Пожалѣй, моя ясная!..

Восемнадцатый:

Весь истомился день подъ знойными лучами...
Березкѣ не поднять опущенныхъ вѣтвей,
Душистый хмѣль повисъ безжизненно на рамѣ,
Какъ-будто дымъ встаетъ надъ золотомъ полей...

Протяжно жукъ звенитъ... Какой-то тонкой пылью
Подернулись кусты надъ сонною рѣкой...
И кажутся мечты живой, нарядной былью,
А все, что видитъ глазъ, минутною мечтой...

Двадцать девятый:

Весна... Все блещетъ, все шумитъ,
Полно и свѣта, и свободы, —
И только ваше сердце спитъ
На свѣтломъ праздникѣ природы.

Будите сердце поскорѣй, —
Ему давно проснуться надо:
Сегодня первый соловей
Поетъ въ аллеѣ темной сада.

Тридцать четвертый:

«Сердца, сердца»,—у васъ я просилъ.
«Пѣсенъ, пѣсенъ».—мнѣ было отвѣтомъ...
Ахъ, я вѣрилъ, и ждалъ, и любилъ,
Но для васъ я былъ только поэтомъ!

Милый другъ! Откровенно сказать,
Вы въ стихахъ понимаете мало:
Надо сердце поэту отдать,
Чтобы пѣсня въ отвѣтъ зазвучала...

Изъ «Лирическихъ набросковъ» возьмемъ всего одно, но очень характерное стихотвореніе.

Лѣнь вѣковая, тупое терпѣнье,
Сонъ непробудный холопскаго вѣка,—
Но, какъ и прежде, не знаетъ стѣсненья
Мысль человѣка.

Пусть поколѣнье рабовъ затаится,
Жизнь сберегая въ безславные годы,—
Силою мысли средь тьмы загорится
Солнце свободы.

Вѣчнаго міра безсмертныя силы,
Жизнь созидая, работаютъ вѣчно.
Мысль разгадаетъ и жизнь, и могилы:
Мысль безконечна.

Мгла разбѣжится предъ мыслью державной,
Все озарится, что было не видно, —

Будетъ толпѣ, добровольно безславной,
Больно и стыдно.

Отзвукомъ жизни весь міръ наполняя,
Люди возстануть къ свободѣ готовы, —
Дрогнетъ позорная цѣпь вѣковая,
Рухнутъ оковы.

И человѣчеству данью свободной
Новую мысль проживутъ поколѣнья
И не умрутъ въ повтореньи безплодномъ
Смертью забвенья.

Прекрасные переводы сонетовъ Петрарки заканчиваютъ книгу.

Мы привели такъ много стихотвореній г. Соколова, что на разборъ его книги у насъ уже не остается мѣста. Да и что примѣнять холодный анализъ къ поэту, который говоритъ вашему чувству, вашему сердцу? Передъ нами, очевидно, большой и серьезный поэтъ, у котораго не нужно искать, что-бы такое выбрать для его характеристики.

Поэтому, мы ограничимся однимъ лишь бѣглымъ замѣчаніемъ. Г. Соколовъ глубокій классикъ, знатокъ Италіи и ея литературы, переводчикъ Канта, всѣмъ своимъ существомъ жившій до сихъ поръ, такъ сказать, внѣ нашей народной стихіи, настраиваетъ и свою лиру на мотивы библейскіе, классическіе или вообще общечеловѣческіе. Бросается въ глаза въ его сборникѣ почти полное отсутствіе творчества на русскія національныя темы. Онѣ его не вдохновляли вовсе, если не считать одного стихотворенія, гдѣ является «злой польскій панъ». Немножко странно для поэта, носящаго такую русскую фамилію, какъ «Соколовъ», не правда-ли?

Но этого недостатка мы поэту въ вину ставить не будемъ. Изданная книжка есть лишь подсчетъ его перваго періода творчества, гдѣ онъ, такъ сказать,

только еще настраивалъ лиру. Русскія темы—трудныя темы въ наше сѣрое скучное время. Русской поэзіи, русской лирикѣ нѣтъ мѣста пока—слишкомъ это чувствуется. Не Ротштейна-же (крупнѣйшую фигуру нашей современности) воспѣвать въ самомъ дѣлѣ, не постройку Московско-Ярославско-Архангельской дороги! Голодъ и раззоренье давно оплаканы и перешли въ область статистики, герои, что наша жизнь выдвигаетъ, годятся преимущественно въ судебную хронику. Нѣтъ, мы не обвиняемъ г. Соколова, что его сердце не лежитъ къ русскимъ темамъ.

Сергѣй Шараповъ.

